

ствии с этим в его трагедиях русский разговорный язык занимает видное место: снова и снова он употребляет такие маркированные русизмы, как прилагательные в именительном падеже единственного числа мужского рода оканчивающиеся на *-ой* и *-ей*, относительное местоимение *которой* и глагол *говорить* и т. д.²⁹

Так же как у Сумарокова, у Ломоносова не мужчины стоят на первом плане, а женщины, что вновь явствует из распределения реплик.³⁰ И так же любовная тема определяет развитие действия (в этом состоит главное отличие «Тамиры и Селима» от политической трагедии Готшеда «Умиравший Катон», которая послужила главным источником для Ломоносова).³¹ У Ломоносова персонажи получают не меньше возможностей для страстного выражения чувств, чем у Сумарокова. Такова, например, первая встреча любящих во 2-й сцене II акта в «Тамире и Селиме» или сцена примирения в 4-й сцене III акта «Демофонта» — Ломоносов и здесь использует весь регистр патетической любовной трагедии: угрозы самоубийства, падения на колени и клятву в верности. То же самое можно сказать об изображении смерти главного героя в конце V акта «Демофонта». Здесь Ломоносову удается особенно эффектное сочетание героического и «нежного» стиливого комплекса: стоит глубокая ночь; окруженный своим горящим флотом, смертельно раненый герой не думает ни

²⁹ Об окончаниях прилагательных см. не публиковавшуюся при жизни работу Ломоносова «Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен» 1746 года (Там же С 83). О местоимении *который* и о глаголе *говорить* см. его «Предисловие о пользе книг церковных» (Там же С 588). Такие формы и слова выделяются на языковом фоне, который еще в значительной степени определяется преобладанием церковнославянского языка, в особенности в синтаксисе, который в соответствии с церковнославянской нормой характеризуется у Ломоносова более свободным порядком слов, чем у Сумарокова, а поэтому более труден для понимания. С другой стороны, примечательно, что Ломоносов избегает архаической формы вокатива *отче мой* — формы, которую Сумароков нередко употребляет в своих трагедиях (см., например *Сумароков А П Синав и Трувор* Трагедия СПб, 1751 С 5, 11 (I 1), 38 (III 1), 59 (IV 2), 60 (IV 3), 74 (V 3)). То же самое можно сказать о слове *дочь*. Ломоносов в своих трагедиях употребляет исключительно эту русскую форму, у Сумарокова рядом с русским словом *дочь* часто находим церковнославянский эквивалент *дщерь*. См., например, его «Синав и Трувор» (Там же С 5 (I 1), 14 (I 3), 16 (I 5), 38 (III 1), 43 (III 3) и т. д.). Одновременно употребляется Сумароковым и слово *дочь* с 21 (I 6), 40 (III 1), 45 (III 3) и т. д. Ломоносов упрекал его за неуместное употребление слова *дщерь* в этой трагедии — см. *Гринберг М С Успенский Б А* Литературная война С 259 (сноска 167). Сумароков реагирует на эту критику и во второй редакции своих трагедий в некоторых случаях заменяет слово *дщерь* русским эквивалентом *дочь*. Однако то, что Сумароков, как утверждают Гринберг и Успенский (там же), «последовательно исключает» слово *дщерь* во второй редакции своих трагедий, является неверным: ср., например, вторую редакцию «Синава и Трувора» — *Сумароков А П* Полн. собр. всех соч. Ч 3 С 123 (I 1), 130 (I 3), 134 (I 5) и т. д. О данной стиливой особенности Сумарокова см. *Живов В М* Язык и культура в России XVIII века М, 1996 С 344 и сл.

³⁰ В «Тамире и Селиме» лидирует Тамира с 45 репликами. Между ней и следующим по количеству реплик персонажем — дистанция в 12 реплик. Аналогично обстоит дело и в «Демофонте» здесь на первом месте также стоит женский персонаж — Филлида (62 реплики), за ней следует Демофонт (46 реплик) — дистанция в 16 реплик.

³¹ Доминантности политической темы соответствует у Готшеда распределение реплик: в главе стоит Катон с 76 репликами, на втором месте с большим отрывом в 28 реплик — главный женский персонаж (48 реплик). Цитирую по изданию *Gottsched J Chr* *Sterbender Cato* / Hrsgb von H Steinmetz Stuttgart [Reclam], 1984.